

Вольные стихи

Светлана Гушмакова

София, октябрь 2010

Я вольной воли абсолют!

Пишу я вольные стихи
И в вольном городе живу.
Мой вольный дух и вольный стиль -
Я вольной воли абсолют!
Я в жизни вольностей себе не разрешу,
Но поэтические вольности
Легко себе прощу - ведь "воля вольному"!
Они невольные мои властители,
Вольнонаёмные служители.
Без этих вольностей мне нету вольницы.
Я жизни вольнослушатель.
Стрелю вольно пущенной
Лечу вольнолюбивым воином,
Мне дан приказ, команда: "Вольно!"
На вольном свете вольный дух,
Не вольнодумец я, а выпущен на волю.
Лечу как одуванчика несомый ветром пух.
Я волевым усилием Любви уволен из неволи.

Красавицы

Мне хочется быть лучше всех!
Как те красавицы в лесу,
Которых видела вчера,
Когда кололи Вы свинью.

Они прекрасны, как никто:
В лесу с рождения живут.
Как сделали работу всю легко,
Когда кололи Вы свинью.

Нарядов нет у них. Один всего.
Но нет прелестней сельских дев, пожалуй, никого.
Как весело и как легко набили салом всю бадью,
Когда кололи Вы, мусьё, свою последнюю свинью.

Беспомощность

Кукушка улетела, часы осиротели
И кто теперь поймет,
Который час, который год.
И астролябию я вынес опромет-
"чиво" теперь жалеть,
Когда её уж нет.
Без штангенциркуля, о, друг мой,
мне - хана! И даже заболела голова.
Без инструмента где уж мне прожить.
Без молотка мне даже нежить не убить,
Но плоскогубцы если я найду,
Кукушку наглуую я отыщу
И ей я сильно отомщу:
Её я транспортиром оснащу,
Заставлю петь как соловей
И открывать входящим дверь.

Хайку-Злойку

Сойти с ума – легко...
Трудней – быть здесь. И в тишине
И в одиночестве спокойным оставаться.

Вибрирует желудок от пенья птиц.
И селезёнка, сверчками растревожена,
Дрожит...

Внутри всё пусто,
А значит шум деревьев
Во мне собраться может с пенем птиц.

Вам тесно в тесноте моей,
Так пусть же все вы там сожмётесь
До мизерных размеров мироздания.

Ворону вижу. Как она прекрасна
На белом фоне с добавленьем
Красного...

Как в красках много смысла,
Много настроенья,
Легко они влияют на давление.

Только бы цикада
Не убежала от моего слуха
Этим вечером...

Утро – это птицы,
Умывающиеся дождем
Своего писка...

Дождь стучал и трещал
И беспощадно замолчал,
Когда уснула я внезапно...

Вы не пришли - я благодарна:
Сама осталась ненадолго –
Об одиночестве поплакать я смогла...

Никто и никого не понимает –
Но некому и нечего
По сути...

Сто раз я повторю...
Сто – ты услышишь
Лишь волн частотность – ультразвук.

Мой голос тише тишины.
Не голос это, а крик капли,
Взывающей к молекуле воды.

Крик вырвался из диафрагмы.
Он разорвал блокаж лица
И мускулов мимических гримасу.

Полынь мне так сладка,
Но Вики не принимает вкус её за норму.
Ей горечь сахара милей...

Во мне есть только Ты -
Безмерная величина,
А остальное - пустота...

Я руки подниму. Ладони распахну.
Весь Мир в них упадет.
И ничего себе я не возьму.

Рассудочность моя ушла.
И бесшабашность убежала.
Кто я тогда? Что же осталось?

Честные поговорки

Когда огонь горит - взрывает динамит.
А если "кровь кипит", бурлит?
А если "сердце разрывается"?
А вот еще: "внутри всё обрывается".
"Не перевариваю" я тебя или
"Пусть лопнут у тебя глаза!"
Такое пожелание. Телесное терзание!
Другое дело: "грива, как у льва",
"горят, как у орла глаза", -
Об этом можно только лишь мечтать!
Люблю о поговорках рассуждать,
В словесных оборотах истины искать.
И ты "как на ладони", когда "уходишь ты
В кусты" и у тебя дрожат ладони.

Последний разговор

- Я унесу с собою все свои тайны.
- Какие глупости! Кому они нужны?!
- Как я жила. Как всё случилось неслучайно.
- Оставьте сантименты. Ешьте пироги.
- Была я слишком умной. Тонкою натурой.
- Пилите гири, Шура, и не будьте дурой.
- Какой хочу, такой и буду. И не вам судить!
- Ну не сердитесь. Так тому и быть.
Имеете вы право дурой слыть.

Ерунда!

Большая суматоха! С ума схожу! Алоха!
Безумно рада! Без ума? Какая польза?
Ерунда! Раз рада. По крайней мере голова
Будет легка́ и пузо сыто. А душа?
Она привыкла быть обычно "му́кою полна".
Мука́ душе тоже нужна. Душа обычно пиро́гом сыта́.
Желательно с како́ю-то начинкой.
Так длинно, чинно жизнь идёт -
Время от времени какая-то починка.
Херон на Ахерона берегу в пиро́ге
Терпеливо ждет. И час этот когда-то настаёт.
Почувствуем тогда себя хреново.
Увидим вдруг конец мы приключенья,
Похожего скорей на злоключенье.
Житейского пути "нечаянное" окончание,
Безумного в "разумности" своей жизнескучания.

Воспитанность

Я мусор вынесла. Совсем не прозаично.
В хаосе пребывала лично-френетичном.
Он вынесен немного нетактично.
И мусор это знает и молчит.
Воспитан он прилично.
Меня упрёками не мучит, не корит.
Он в постижении сейчас.
И обо мне его волнение и экстаз.

Портрет

Ожесточён. Он - как клинок точённый,
Жесток. И клином - вбок.
С обыкновенным обухом сравнить я б это мог:
И венам вред нанёс и за ухом отёк.
Затем словесных оборотов потёк поток,
Тяжеловесных тем ярчайший том создать он смог.
И ярости высоковольтный ток
Он превратил в высокий слог.
У "вольтанутых" воротил в мозгах не смог,
А ворох сил - фантазии размах широк
И голова как викинга шолом - на таз
Она похожа, а ум-клинок торчит как рог.
Такой вот творческий портрет. Такая рожа.

Хоровод желаний

Мне спешно нужно всемогущей стать.
Не понимаете вы: не могу я ждать.
Необходимо всё поправить, некогда скучать.
Кто самый сильный в мире нашем мне нужно знать?
Орёл, Телец, Лев, Человек? Могу я их собрать.
Точнее - их желания смогу в себя вобрать.
Как дервиш затанцую, закружусь
И хоровод желаний в Белый Свет я превращу,
От них я всемогуществом зажгусь!

Король

Обычная головка сыра в пещере летом была забыта -
Так тайна плесени божественной была в селе открыта.
Простой и маленький сырок провинциальный,
А вот уже построили ему завод специальный.
Прелестная коробочка - для тела упаковочка
И ленточка атласная - кокеткина уловка ясная.
Награды и медали - всемирных выставок признанья.
Рекламные кампании. И сыра маленький кусочек
Уже не дешёв, уже он стоит много, много очень.
Что изменилось? На нашего героя мода появилась.
Все говорят, что Сыра он Король.
Но разве он не парвеню? Не ноль?
Нет он - не ноль и не король.
Он просто сыр, продукт. И роль
Его - нас просто накормить
И удовольствие нам дать, нас обслужить.
Но сами мы мещанства плесенью покрылись.
Мы над собой поставили его, высоко очень оценили.
Наверно, заслуживаем быть нулем скорее мы
В мануфактурном Сыра королевстве.
Мы подхалимы живота и рождены,
Чтобы служить ему - дырявому молочному повесе.
Сыра Король! Твоё Заплесневелое Величество,
В свою коробочку изволь, а нас от роли слуг уволь,
Чтоб не забыли человеческую роль!

Романтичная Мушка

К абсурдам я добавить могу такой абсурд.
“Гляжу на канделябры, на малую свечу,
На спичку, на фонарик, на тлеющую головню.
И угли жаркого мангала так радуют меня,
Ловлю себя на мысли, что мало мне огня.
Я ярче не видала, их жарче в мире нет.
Сгорю я на жаровне, предчувствуя весь Свет”.
О! Маленькая мушка! Пари, лети, гори,
Но только без фантазий,
Что канделябр несёт Свет пламенной любви.

Верёвки и ножи

Опутана вся голова верёвками забот,
Бечёвками нитья, канатами хлопот.
Зашит мой рот и нить крепка.
Из зверского терпения волокон скручена она.
Тогда где ножницы, где скальпели и где ножи?
Где истины, где правды острые резцы?
Концы отдать! Себя освободить!
Сорвать все путы и бинты
И голову в порядок привести -
Свести с концами все концы!

Меняю дом

Телом живёт душа.
Оно земной наш дом.
Он нами обзаведен, нам знаком.
Из дома в дом переезжаем,
Палатку на дворец меняем.
Сегодня я рабыня, завтра я царица.
А вот - приют, а вот больница.
Меняю дом, но не меняю душу,
Она моя, мне от рождения присуща.
Всю жизнь мою определять - её лишь власть.
Из дома в дом меня в командировки посылать -
Есть у души такая страсть,
Чтобы себя без устали учить:
То телу смертный приговор спешит вручить,
То индульгенцией весёлой прикроет совести укор,
Секундой слабости благословляет скорой,
Неделями затем безмилостно терзает
Всем радостям наперекор.
Но нету выхода. У нас такая мания -
Себя от тела даже мысленно не отделяем мы.
Как хорошо над домом воспарить,
Над крышей шариком воздушным вознестись.
Ведь должен выход быть?
У тела - твёрдо нет, но у души он - ввысь!

Коновод

Какие-то стремления, какие-то усилия.

Скачу, лечу. Нет сил

Мне выйти из-под власти тех удил,

Которые я здраво закусил.

Узды, командующей мной,

Я сам себе когда-то попросил.

Что я за всадник?! Жду, чтоб конь

Всё сделал за меня, но привередлив и супонь

Потуже затянуть он просит. Его не тронь -

Легко наездника он со спины вспотевшей сбросит.

Я коня напою, я его накормлю, но все без толку, если

Я позволю ему или вскач полететь, или прямо в галоп,

Или рысью, трусцой. Сивка-бурка, стой!

Ход конём - ставь на кон! Я теперь на коне!

Иноходец ты, друг, любишь вольно бежать,

Но всегда в табуне.

Гривой с ветром играть не позволю тебе.

Я такой же, как ты - вольнолюбец степной.

Не люблю я толпы, у меня ход другой.

На коне полечу, шпорами подстегну,

Путь ему укажу в высь заоблачную.

Это я - коновод, это я - кукловод.

Я не буду в узде ни тревог, ни хлопот.

Отгоню я мух надоедливых

И коней запро привередливых.

Сколько писано мне, столько буду скакать,

Не люблю на краю я вселенной стоять.

Невинность речи

Мне униженья боль знакома
И вас обидеть не хочу. Ничем
Ни словом, ни поступком, ни намёком
Какой-то в вас задеть шаблон. Зачем?
Его задень, ударишь локоть
Или порвёшь рубашку на плече.
Но если бы сломать его
Как будто "ненароком".
Невинность речи возродить
И прелесть деликатных тем.
Шаблонов грубые осколки подметём.
И смело будем до утра болтать,
Обиды глупые оставив на потом,
Над страхами былыми хохотать.
Меня или тебя нисколько не боясь
Обидеть словом, жестом или взглядом.
Как хорошо сидеть, смеясь,
Нам, бесшаблонным, бесшабашным, рядом.

Поэт и народ

Неодиозная фигура, мужская мощь в плечах, в глазах.
Спускаются на землю боги, а ты себя геройски, как из
боя, вынес на руках. И вырос ты до своего народа, а
впрочем, до народов всех: до трудового их геройства, до
чаяний, до бед.

Проник им в сердце, в душу, в желаний разных тайный
код, на русский перевёл неразговорчивую сущность,
вложил слова в зажатый подозреньем рот.

Разговорил всех нас, все вещи и предметы, заставил
расплескать свою печаль-тоску, романтики налётом
нас прикрыл как "ришелье" салфеткой солдатский
неумудрённый сухарёк. Мы нравимся себе, когда мы на
виду.

Когда мы на листе тобой исписанной бумаги, когда
мы в звуках струн гитары, у которой нервный баритон.
Мы тоже нравились ему. Нас взял словами и стихами в
сердца стяги. Себя он тоже взял: он пел как умирал, у
песен горлом кровь, согласных рык и гласных стон.

Он задыхаясь пел: всего-то славы и любви ему
недоставало, любовь толпы - индифферентная любовь.
Звук громкий, но пустой. Он славы неземной хотел,
до небосвода песнями своими доставая. Что было
небосводом для него? Кто пустит неприкаянного на
постой?

Уже прочитаны его все нами письма, и в душу нам его
ничуть не стыдно заглянуть. Ему пусть будет больно,
жалко и обидно за нашу простоту, не Гамлетову суть.

Пусть сердце у поэта заболит, пусть жилы - как канаты, пусть разрываются аорты. Нам наплевать. Нам не впервой. Мы докторов за это обвиним. Они, заразы, виноваты. Так вор всегда орёт, в невинного втыкая хищный палец, до неба поднимая жуткий и бесовский вой.

Кипела в венах кровь, варился в собственном соку, как в Пекле адовом. Он был в Аду, а не в Раю. В Аду любви земной. А люди ведь всегда "хихикали в тени" по простоте, по нашенской, а не по злобе. Это - правда. Нам не до сложностей, душевный мир у нас - такой.

О! Простота святая! Горюшко ты наше. У ней в ногах рассыпан бисер душ, но что ей до того?! Вам Фауст скажет, что ошибка это - Ваша, хотя, теперь Вы это знаете и без него.

Что душу ведь нельзя ни дьяволу, ни чёрту, ни народу, она другого роду-хороводу, не нашего сермяжного заводу. С ней нужно понежнэй. У ней, эфирной, есть небесная прописка. Иерихонских труб в борьбе с собой не услышали Вы, и Бог Вас не сумел тогда спасти. В водоворот любви российской, как в омут страшный Вы ушли. Не выпустили из облавы сомнений, страхов, наваждений кровавые флажки.

А от неё, псевдолюбви публичной, нет никогда спасенья, её за дёшево возьмёшь для развлечения: билет за представленье! И... выкушать, извольте, господа, за Божьего раба Владимира Души спасение.

Маленькие цели

Нет силы вынести твою болезнь.
Потерю памяти. Оторванность от жизни.
Обидно, больно мне до слёз,
Тоска в груди от детского бессилья.
Что сделать, как помочь?
Как эту немощь превозмочь?
Но все мы люди на земле и цели в жизни
Мы выбираем разные себе - под стать амбициям.
Стремишься к цели и растёшь,
Овладеваешь, двигаешься, осмысляешь.
Большая цель - есть долгое движение вперёд,
А маленькая - быстренько кончается.
Тогда меняешь цели ты и так до окончания:
До памяти ухода, до горла хрипоты,
До слепоты душевной, до истины молчанья.
Должна быть цель большой всегда,
Буквально, с самого начала:
Узнать как создан этот мир, кто я,
Зачем здесь мы. Смысл жизни изначальный.
Отсутствие такой вот Цели интегральной,
Над мелкими стоящей Целью высочайшей,
Всех нас мотает и швыряет из горя в бедствие,
Из немощи в болезнь. Мы в муках рождены.
Без цели стоящей нам в муках умереть.

Я не вернусь

Терпенья нет от нетерпенья быть терпимой.
Бежать, а не стоять и ждать! Бежать? Куда?
Ведь всё закрыто! Закрыто что? Ведь от всего есть ключ.
Ключ золотой. Волшебная отмычка от всех дверей.
Тоскующая птичка из клетки золотой, грудь разбивая,
Вылетает, но холод и привычка её вернуться заставляют.
Но у меня вернуться нет ни силы, ни желания.
Причины нету ни одной вернуться к прежнему
Безвыходному состоянию.
Дверь за собой закрою плотно,
А впрочем, будет пусть открыта.
Я не вернусь, но может кто-то
Захочет, любопытный, посмотреть,
Что там за дверью странной скрыто.

Мой озабоченный Критик

Прости меня, презреннейшая из "поэтов",
Признаюсь, что сорвался крепко я.
Но ты меня достала рифмоплётством этим.
Бесстыжие твои глаза!
Всему ведь мера есть: остановись! Окстись!
Не графоманствуй! Брысь!

Я птицелов

Поймать мысль залетевшую - об одиночестве идею.
Почувствовать себя ненужной, неродимой.
От слез, обиды и разрухи полной млею.
Смогла я уловить себя в ранимости быть нелюбимой.
Поймать идею, словно птицу, мне удаётся.
С крыла и клюва хаотическим размахом
Сначала мне приходится бороться,
Но после птицу в клетку я сажаю одним махом.
С обидой, одиночеством я поступаю как умею.
Всю душу в клетку золотую превращу,
Я птицелов и в совершенстве делом этим я владею.
И одиночество в душе запрю.
О нём не пожалею. Готова буду я к утру.
Всё собрано, всё в клетке, всё - комплект.
В моей душе - Ноев ковчег из "да" и "нет".
Что следует затем? Сальто-морталле? Пируэт?
Надеюсь, что рассвет. Вот только голубя на волю
Выпущу. А птицы? Звери? В душе они останутся.
Кругом Соляриса небесный свет и выхода другого нет.
Уже горит Ибисá.

Когда я душу накормлю

Мне б только есть. Всё поглощать.
Жрать ненасытно. И переедать.
Спасенья нет. Нельзя себя остановить.
Все вкусы хочется в себя впустить.
Я сладкое больше солёного люблю.
А горькое всему я предпочту.
Готова я с утра до вечера глотать.
Нет счастья более, чем есть, кусать,
Жевать, зубами рвать.
Себя я буду бесконечно наслаждать.
Себя?! О, тело ненасытное, прости,
Ты - я. Я - ты. И крошки сухаря
Мне будет предостаточно тогда,
Когда я душу, а не тело, накормлю:
Из Рога Изобилия небесной Манны
Скромно и смиренно попрошу.

Вечный транс

Вам расскажу историю одну,
Но чтобы было интересней,
Её прерву и новую начну,
А третью для примера вставлю,
Но к первой на минутку я вернусь,
Её продолжу и подробно вам представлю.
Когда же речь зайдёт о новой теме,
В истории второй найду я подкрепление.
Она верней всего сумеет убедить вас,
С ней впуститесь, не побоюсь сказать,
В литературный пляс.
Когда всё станет совершенно ясно,
К рассказу своему вернусь,
Чтоб не запутать вас ужасно.
Так мы к морали подойдём
И лучшие примеры для неё найдём
В морали третьей, самой лучшей притчи.
Она во всём вас убедит отлично.
Вы будете от счастья стонать,
Когда я доскажу мораль
И захочу начать совсем другую,
Новую, историю о том,
Как нужно поступать,
Когда один болван
Без устали, и снова, и опять
Вас вводит в транс,
А сам всю жизнь из транса не выходит.

Коленопреклонённо

Я плакала от Гордости - подруги Унижения.
Такие у меня сегодня постижения:
Разбить стекло и вылить слёзы за окно.
Я с Гордостью устроила игру в рулетку.
В почтовый ящик, в каменного сердца клетку,
Она вошла, как телеграмма, как письмо.

Все остальные, непохожие: все были вместе.
Такие у меня сегодня радостные вести:
Все пели, не заглядывая мне в глаза,
А я сидела одиноко в углу слева,
Не слыша справа громогласного припева.
Блестела на щеке дежурная слеза.

Всем было весело, мне было скучно.
Сегодня барабаню кулаками по коленям звучно.
В груди неслышно бьётся каменное сердце.
Я в клетке Фарадея: против самой себя голосовала "за".
У Гордости моей жёлто-зелёные и хищные глаза.
В неё я выстрелить хочу чилийским перцем.

И если это не поможет, то шагну за грань,
Из клетки хомяка я выйду непослушно в рань,
Из клетки органической - нижайшей степени
Индивидуальности моей психической,
Такой безликой, муторно логической.
И перед Унижением я гордо встану на колени.

Продайте души, господа!

Продайте души, господа! Продайте поскорей!
Возьмите деньги, их растраťте,
Нарадуйтесь всему, что тело балует и греет.
“Дай, Господи”, - как попросил поэт, -
“Дай каждому, чего у него нет,
Чему бы мог быть рад он.”
И смелому, и жалкому,
И гордому, и слабому.
Пусть всё попробуют,
Пусть поскорее наслаются
Вещами, славою, деньгами,
Знанием. Но за всё это - души?!
Закладывать?! Не слишком ли?
Не жалко ли? Не глупо ли?
Продайте и увидите, что нет
такой награды, которая вам возместит
Бездушности смертельную преграду.
Преграду, не пускающую на Тот Свет.
Там - Дом Души, не Капалы Чарши.
Здесь Фауста нас ждёт судьба -
Его всевечная и безграничная тоска.
Молитва вниз лицом. Потеря Маргариты.
Наш мир - мир Фаустов, мир Каинов.
Какая пустота! С рождения
Отсутствием души все мы убиты.

Родиться в октябре

Хотите вы родиться осенью, когда всё созревает?
Как спелый плод появитесь на свет
В гармонии и триединстве молочая.
Сорвётесь с ветки - *эуфорбия!* полёт!
Недолгое падение - земля отчаяно зовёт!
И лопнет взрывом кожура, и загорится трын-трава,
И на какой-то миг забудетесь в отчаянии:
Всё неожиданно, всё невзначай! Как жаль:
Знакомый старый мир "*Проснись печаль*",
И страшная тоска по вновь утерянному раю,
И снова старые заботы: копайся, углубляйся,
Овладевай, учи, познай, подсуетись,
И корни вглубь пусти, дождись
Очередного раз-очарования.
Двадцатого девятого месяца десятого
Я рождена. Словно орех, упавший на асфальт.
Разбилась скорлупа и затрудился организм,
Зарылся в глубь желаний вязких,
Но, слава Богу, уже начал вылезать
Из травмы детской гипнотической подсказки.
Я змейкой выползу, зелёным стебельком
И стану Деревом Познания
И сильно с Древом Жизни обнимусь,
Корнями, ветками переплетусь-срастусь
До неразрывного слиянья. Переступлю
Границу жизнеумиранья, войду в нирвану
Трансцендентного молчанья.

Наполненность

Я так наполнена.
Меня всю распирает.
Во мне всё, всё, всё, всё!
Кто это испытает,
Меня поймёт, что это - хорошо:
Здесь - всё, а Там нет ничего.
Пойду Туда, а тут всё вам оставлю.

Ностальгия

Базара южного благоуханье!
Я не сумею вам детально
Всё описать: граната, дыни аромат,
Смешение цветов, волшебный виноград.
Когда базара роскошь наблюдаю,
В душе змеёй ворочается ностальгия:
Божественный Эдема Сад -
Испанская Сангрия! -
Как сладкий сон
Я ненасытно вспоминаю.

Скоро я вернусь!

Я вижу Сад!
Он - там. Я - тут.
Мой взгляд - туда.
Мой путь. Мой труд.
Оттуда вышла и туда иду.
Там - Плод Сомненья.
Там - Жизни Абсолют.
Но это ложь: я там была всегда!
Оттуда никогда не выходила.
Мне просто снилось всё:
Вся эта Dolce Vita,
Где Истина сокрыта.
И жизни фрагментарность.
И смерти страх.
И наша временность.
И тела прах.
Проснуться! Снова я в Саду!
Рассеялся кошмар, как дым.
И ясно видится:
Как я из Сада выхожу,
Сжав Яблоко в руке,
И на прощание себе самой машу.
"Жди! Скоро я вернусь!
Не задержусь.
До окончания сна!
До Света! До утра!"

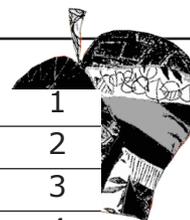
ПИСЬМО

Напиши ме, Господи, позвони.
Перешли мне розовый Свет Любви.
Сообщи мне адрес свой, голубой конверт.
Я Тебе отвечу: "Да!" Не -"нет".
Мне совсем не трудно быть золотой.
Для Тебя стараюсь я быть самой собой.
Мне ходить бы ряженой в Белый Свет.
И зажечь бы в сердце мне
Огненный рассвет.
Расцвести бы Розою Мировой
И втянуть бы в лёгкие Дух Святой.
Я руками неба синь обниму,
Сапожок сафьяновый речке подарю,
Желтизну купальницы в зелень глаз приму.
В радостную радугу душу наряжу,
В сарафане радужном закружусь,
Ко всему причастная причащусь,
Сообщу всем добрую и благо́ую весть:
Мной письмо получено,
Света тонким лучиком к Свету вездесущему
Нам себя вознести.

Прими

Какие-то слова простые мне бы найти.
Чтоб попросить о самом важном,
В желанье сокровенное умом войти.
Но речь моя проста безумно.
Меня за скудочувствие прости.
Контроль совсем уже утерян.
Бессильна я. Меня останови.
И думать стало страшно трудно.
Меня в себе восстанови.
Забуду всё, что нас с Тобою разделяет.
Подобием с собой благослови.
Стою. Не падаю. Жду Твоего решенья.
Меня в цепочку непрерывную включи.
Дай мне исчезнуть, раствориться.
Хочу я просто стать такой, как Ты.
Позволь нам всем Домой вернуться.
И от Пути, молю, не отклони.

Содержание

Я вольной воли абсолют!	1
Красавицы	2
Беспомощность	3
Хайку-Злойку	4
Честные поговорки	6
Последний разговор	6
Ерунда!	7
Воспитанность	7
Портрет	8
Хоровод желаний	8
Король	9
Романтичная Мушка	10
Верёвки и ножи	10
Меняю дом	11
Коновод	12
Невинность речи	13
Поэт и народ	14
Маленькие цели	16
Я не вернусь	17
Мой озабоченный Критик	17
Я птицелов	18
Когда я душу накормлю	19
Вечный транс	20
Коленопреклонённо	21
Продайте души, господа!	22
Родится в октябре	23
Наполненность	24
Ностальгия	24
Скоро я вернусь!	25
Письмо	26
Прими	27

4

svetlasofia.jimdo.com

